

УДК 141 + 316.4
DOI 10.18522/2227-8656.2021.6.9

Тип статьи в журнале – научная

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
В КОНТЕКСТЕ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ
ЮГА РОССИИ¹**

**HISTORICAL MEMORY
IN CONTEXT
ETHNOPOLITICAL
RELATIONS IN THE SOUTH
OF RUSSIA**

© 2021 г.

К. В. Воденко*

© 2021

K. V. Vodenko*

** Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

** Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

Цель исследования заключается в анализе роли исторической памяти в контексте этнополитических отношений.

Objective of the study is to analyze the role of historical memory in the context of ethno-political relations.

Методология исследования базируется на использовании трансдисциплинарного социально-философского подхода к изучению явлений современной реальности.

The methodology of the research is based on the use of a transdisciplinary socio-philosophical approach to the study of the phenomena of modern reality.

Результаты исследования. На основе обращения к специфике Юга России отмечается, что в южнороссийском регионе очевидным является тренд актуализации исторической памяти как социального ресурса. Делается вывод о том, что этнополитические отношения в южнороссийском регионе имеют позитивный потенциал при условии их адекватного использования в политической системе региональных отношений, а также в том влиянии, которое может сопровождаться поддержкой интеграционных процессов и переводом этнокультурной проблематики в режим социокультурного развития.

Research results. Based on an appeal to the specifics of the South of Russia, it is noted that in the South Russian region there is an obvious trend in the actualization of historical memory as a social resource. It is concluded that ethno-political relations in the South Russian region have a positive potential, provided they are adequately used in the political system of regional relations, as well as in the influence that may be accompanied by support for integration processes and the transfer of ethnocultural issues to the mode of sociocultural development.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (МД-1493.2020.6) на тему «Ресурс исторической памяти в системе институциональных параметров социально-инвестиционного развития и обеспечения культурной безопасности региона».

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования исторической памяти и этнополитических отношений, в частности, ее влияния на формирование и развитие социокультурной среды Юга России.

Ключевые слова: историческая память; этнополитические отношения; южнороссийский регион; этнокультура; социокультурное развитие

Prospects of the study. This paper opens up prospects for further research of historical memory and ethno-political relations, in particular, its influence on the formation and development of the socio-cultural environment of the South of Russia.

Keywords: historical memory; ethno-political relations; South Russian region; ethnoculture; socio-cultural development

Введение

Ресурс исторической памяти как актуализированного сознания и осознания в истории в качестве действующей социальной константы влияет не только на традиционное понимание в сохранении культурного наследия, но и на культурные инновации, определяет модели регионального управления и совокупность методов и опросов, направленных на регулирование и заданности вектора регионального развития (Алексеева, 2019).

Следует подчеркнуть, что в российском обществе историческая память воспринимается как проблемный узел общественно-политического дискурса, в котором доминирует конкурентная составляющая, связанная с политическими идеологическими конфликтами. Историческая память одинаково используется властными структурами и оппозиционными политиками в зависимости от того, какая форма исторической памяти является наиболее адаптивной для обеспечения тактики политической борьбы.

Степень изученности проблемы

Для отечественной социологической мысли историческая память является особой предметной сферой (Ж. Т. Тощенко, В. Э. Бойко, И. Ю. Алексеева и др.), так как до недавних времен в социологии признавался соинтерес к современности, а историческая проблематика считалась относящейся к сфере других социальных наук (Алексеева, 2019, 2018; Бойков, 2011; Тощенко, 2000, 2003). Перелом произошел под влиянием работ зарубежных социологов, посвященных исторической памяти, в частности М. Хальбвакса (Хальбвакс, 2007), и в меньшей степени можно говорить о влиянии синдрома традиционализма, что является признанием того факта, что российское общество находится в гибридном состоянии, где причудливым образом, порождая непреднамеренные последствия для различных сфер социальной жизни, соединяются традиция и инновационность, социальная инициатива и социальный консерватизм.

В такой ситуации историческая память становится целью социологического анализа, исходя из того, что, во-первых, актуально разделить исторические и неисторические факты, исторические мифы и историческое знание, в той же степени объемная задача состоит в том, чтобы выявить ресурсный потенциал исторической памяти, ее роль в развитии регионального управления как системности, включающей социальные, социально-экономические, социально-психологические способы воздействия (Штофер, 2021).

Результаты исследования

В изучении проблематики исторической памяти на региональном уровне важно подчеркнуть, что предметное поле исторической памяти определяется социокультурным контекстом регионального пространства. В связи с этим в ее понимании можно выделить две традиции. Первая рассматривает историческую память как основу культурного наследия, влияющего на общественное настроение в интерпретации оценки исторических событий и факторов. Вторая связана с пониманием социального ресурса, способствующего или ограничивающего социокультурное развитие регионального пространства (Воденко, 2020).

На наш взгляд, южнороссийский регион как сложное этнически неоднородное пространство актуализирует интерактивность ресурсного подхода. Казалось бы, наиболее конструктивным является отношение к исторической памяти как культурному наследию, к тому, что ориентирует на историческую память как культурно-символический код, в котором воспроизводятся мифологемы-образы прошлого.

Тем не менее в южнороссийском регионе очевидным является тренд актуализации исторической памяти как социального ресурса. К такому выводу приводят следующие факторы. Во-первых, историческая память в массовом сознании населения региона характеризуется насыщенностью социальной, а не культурно-антропологической мифологии, тем, что прошлое воспринимается в контексте оценок настоящего, тем, что сфокусированность на основных исторических событиях и фактах определяется социально-статусными и институциональными параметрами. Во-вторых, историческая память, как явствует в социальной практике, доминирующей в регионе, является культурно-символическим ресурсом, используемым для конвертации во властный и экономический капитал (Воденко, 2021).

Этнополитические отношения в южнороссийском региональном пространстве особенны тем, что проявляется тенденция к спаду влияния этнополитического фактора на региональную жизнь. По сравнению с периодом парадов суверенитетов и ревизии памяти 90-х гг. XX в., что создало центро-

бежные тенденции в развитии Российского государства, в настоящий период возникла новая конфигурация этнополитических отношений, характеризующаяся благоприятной институциональной средой для регулирования и планирования этнополитических отношений. В рамках формирования властных институтов в южнороссийском регионе созданы условия, направленные на сохранение исторической памяти через трансформацию ценностной матрицы россиян (Волков, 2017).

Это выражается в том, что дискурс о национальных отношениях в региональном пространстве активизируется на двух уровнях. На уровне теоретического осмысления речь идет о перспективах формирования в России государственно-гражданской идентичности, определяющей логику формирования российской политической нации.

На социально-практическом уровне связанные с процессами социальной консолидации этнополитические отношения интерпретируются в качестве ресурсной составляющей регионального развития в целом. Речь идет о том, что в рамках упрочения общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа России этнополитические отношения как взаимосвязи между этнонациональными группами, населяющими южнороссийский регион, относительно статусных позиций в политическом поле региона ориентированы на достижение дискурса о согласии на сотрудничество.

Другое дело, что в условиях, когда этнополитический фактор может использоваться как инструмент перевода социальной конфликтности в этническую, есть трудности, связанные, во-первых, с тем, что в официальном дискурсе проявляется тенденция к конструированию казачьего фактора.

В недавнем прошлом это было связано с тем, что в условиях запущенной политики этнонациональной компенсации некоторые лидеры казачьего движения нацеливались на провозглашение казачества этнонацией, апеллируя к конструкту этничности, происхождения, культуры языка и истории казачества. Противоположная тенденция была внешне связана с сохранением целостности Российского государства, с тем, что казачество – это особое сословие, предназначение которого состоит в миссии присутствия Российского государства и русского народа в южнороссийском регионе.

Однако «противоположности» смыкались в том, что южнороссийский регион является казачьим краем, отсюда возникала проблема статуса коренного народа с соответствующими политическими и социальными предпочтениями, а в радикальном варианте – с реализацией принципа квотности. На наш взгляд, казачий фактор в новой социальной культурной реальности является этнополитическим в той мере, в какой казачество как социо-

культурная субгруппа русского народа нацелена на выполнение двуединой задачи, заявленной выше.

Конкретизируя это положение, можно говорить о том, что принятый закон о казачестве не только подвел определенную черту под периодом анархизма и конфликтности между казачеством и властными институтами региона, сформировал рамки участия казачества в общегосударственных и региональных делах, но и наметил перемены в этнополитических отношениях в южнороссийском регионе.

Во-первых, можно говорить о том, что принятый закон о казачестве является модальным для регулирования этнополитических отношений в регионе, так как он ясно маркирует различия между этнополитическими и социальными отношениями тем, что следует учитывать параметры социальных отношений, связанных с групповыми и общими интересами населения региона, и анализировать состояние этнополитических отношений, основываясь на двух факторах: факторе государственно-национальной политики и сложившейся композиции этнополитических отношений, связанных с деятельностью общественных движений, ориентированных на этническую активность и массовых настроений, отражающих диапазон этнополитических отношений.

Характер этнополитических отношений определяется, таким образом, эффективностью реализации национальной политики и ее пониманием и оценкой степени удовлетворенности этнополитическими отношениями в региональном пространстве. В этом контексте историческая память приобретает характер коллективного представления об исторических событиях и факторах, влиявших и влияющих, с одной стороны, на социальное самочувствие населения, с другой – на восприятие представителей других этнонациональных групп, населяющих регион.

Можно считать, что историческая память связывается с ее ролью как социального ресурса, поскольку, на наш взгляд, ее интерпретации связаны с актуализмом, с тем, что можно определить как проблемную ситуацию, включающую социальное ожидание населения региона, и реальную сферу социального влияния. Это подтверждается тем, что межэтнические отношения приобретают этнополитическую направленность, если речь идет о дефиците или избыточности властных и экономических ресурсов.

Очевидно, что уже упомянутый казачий фактор актуализируется как этнополитический в рамках нереестровых казачьих движений, считающих себя обделенными в отношениях с властными структурами по поводу властных и финансовых ресурсов. Однако следует учитывать, что в большей степени акцент на этнополитичности стимулируется самими властными институтами, если задействован механизм перевода социальной кон-

фликтности в этнокультурную. Это проявляется в том, что вместо анализа и оценки в возникающих в социальных конфликтах применяется схема замещения.

Известно, что социальная напряженность порождается земельным вопросом, отношениями в сфере малого и среднего бизнеса, неустроенностью муниципального управления. И в этом смысле речь должна идти о деэтнизации, о том, чтобы реализовался принцип равных возможностей, в которых факторы этничности являются нейтральными, а также блокирование в массовом сознании социокультурного синдрома этнической «экслюзии», которая характеризуется воспроизводством старых и конструированием новых этнонациональных межэтнических обид.

Конкретизируя эти положения, следует подчеркнуть: несмотря на принятие схемы российского патриотизма и гражданского воспитания в регулировании этнонациональных отношений, сложность состоит в том, что группы ориентированы на этнический бизнес, стремятся для упрочения и роста собственного статуса в институциональной системе регионального пространства перейти из «этноса в себе» в «этнос для себя».

Очевидно, что этнические группы, в зависимости от претензий на статус коренного народа, в той или иной степени воспринимают факторы этничности как способ стать политическим субъектом. В этом смысле в современных условиях регионального пространства в рамках административно-правового регулирования можно только определить границы недопустимости в этнополитических отношениях того, что можно охарактеризовать как посягательства на территориальную целостность, безопасность и нарушение гражданских прав.

Вероятно, значимым моментом является диалог власти и гражданского общества в виде общественных ассоциаций групп, где этнический акцент становится связанным с социальными вопросами, социальным самочувствием населения региона. Это означает, что историческая память является по существу условием наработки позитивного социального опыта, когда действует отбор исторических событий и фактов, основанных на системном видении прошлого и его влияния на настоящее.

Коллизии межэтнических отношений 90-х гг. XX в. показали, что в действиях российского правящего класса в этот период вопросы исторической памяти связывались с десоветизацией и декоммунизацией, но был совершен промах, связанный с незнанием непреднамеренного эффекта этно-сепаратизма, с тем, что набирающие силу и авторитет этнонациональные движения намерены не работать в связке с федеральной властью для реформирования российского общества, а нацелены на принятие формулы су-

веренитета внутри России, что по существу означало конфедерализацию страны, слабое правительство и сильные этнополитические структуры.

Так, Ж. Т. Тощенко в очерках об этнократии, не утративших актуальности и в нынешней ситуации, подчеркивает, что факторы исторической памяти, которые трактуются в этнократии как пространство развития этнической идентичности культуры, в реальности являются «тройным конем» на пути развития Российского государства (Тощенко, 2003). Во-первых, к аргументам исторической памяти прибегают для создания собственных этнократических версий прошлого настоящего и будущего региона. Это выражается в том, что этнократические интеллигенции воспроизводят старые мифы об угнетении и агрессии со стороны Российского государства и новые, нацеленные на инвективы в адрес Российского государства и русского народа как «зла», ставящего этнические группы в выбор между ассимиляцией (русификацией) и поиском форм резистентности сопротивления в диапазоне от стратегии поддержки этнокультурного развития до организации протестного движения.

Разумеется, между крайностями есть значимое различие, но когда общей целью является стремление под видом этнонационального возрождения и создания собственной культурно-политической автономии сделать возможным вариант этнотерриториальной дисперсности, важно принимать во внимание, что претензии на этнокультурные права имеют основу в доступе к социальным ресурсам, и в той же степени фактор исторической памяти является социально актуализированным: в зависимости от контента речь идет о желании повысить социальный статус этнической группы через этнокультурные слои.

Политика в сфере межэтнических отношений в южнороссийском регионе основывается на интегрировании этнических групп, реализации схемы совместного проживания и участия и удовлетворения этнокультурных потребностей как права на этническую идентичность. Но сложность в том, что право на этническую идентичность интерпретируется структурами этнического бизнеса в контексте этнополитических отношений асимметричного типа. Речь идет о том, что следует различать возможности малых этнических групп для политического квотирования и недопустимые компромиссы с точки зрения интеграции безопасности на региональном пространстве, связанные с переводом этнокультурных потребностей, и, соответственно, право на этническую идентичность в режиме политических привилегий, нарушающих принцип правового равенства и имеющих последствием возникновение новых форм социальной отчужденности и социального обособления в сфере межэтнических отношений (Vodenko, 2020).

Заключение

Таким образом, этнополитические отношения в южнороссийском регионе имеют позитивный потенциал при условии их адекватного определения в системе политики региональных отношений, а также в том влиянии, которое может сопровождаться поддержкой интеграционных процессов и переводом этнокультурной проблематики в режим социокультурного развития. Очевидно, что для регионального пространства это замечание относится к российским регионам без исключения. Зарубежный опыт политкорректности, мультикультурализма и толерантности является неоднозначным. Воспринимая опыт развития этнических групп на локальном уровне, нельзя поощрять конфликтогенную конкуренцию как сопровождающую этнополитические отношения в региональном пространстве.

Литература

Алексеева И. Ю. Управление исторической памятью как трансдисциплинарная проблема // *Философия науки и техники*. 2019. Т. 24, № 2. С. 82–95.

Алексеева И. Ю., Алексеев А. П. Философия исторической памяти // *Вопросы философии*. 2018. № 10. С. 67–76.

Бойков В. Э. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования // *Социология власти*. 2011. № 5. С. 44–52.

Воденко К. В. Историческая память в социально-гуманитарном дискурсе: многообразие мнений и подходов // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*. Серия: Социально-экономические науки. 2020. № 4. С. 5–13.

Воденко К. В. Теория и методология исследования роли ресурса исторической памяти в формировании социально-инвестиционной модели регионального развития // *Гуманитарий Юга России*. 2020. № 2. С. 258–267.

Воденко К. В., Иванченко О. С., Тихоновская М. П., Лабадзе О. Е. Роль ресурса исторической памяти в формировании гражданской идентичности и обеспечении культурной безопасности молодежи Юга России // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*. Серия: Социально-экономические науки. 2021. № 5. С. 6–20.

Волков Ю. Г., Дегтярев А. К., Воденко К. В. Ценностная политика в контексте со-

References

Alekseeva, I. Yu. (2019). Historical memory management as a transdisciplinary problem. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 24, 2, 82-95. (In Russian).

Alekseeva, I. Yu., Alekseev, A. P. (2018). Philosophy of historical memory. *Voprosy filosofii*, 10, 67-76. (In Russian).

Boikov, V. E. (2011). Historical memory in modern Russian society: state and problems of formation. *Sotsiologiya vlasti*, 5, 44-52. (In Russian).

Vodenko, K. V. (2020). Historical memory in social and humanitarian discourse: diversity of opinions and approaches. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI)*. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki, 4, 5-13. (In Russian).

Vodenko, K.V. (2020). Theory and methodology of studying the role of the resource of historical memory in the formation of a social-investment model of regional development. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2, 258-267. (In Russian).

Vodenko, K. V., Ivanchenko, O. S., Tikhonovskova, M. P., Labadze, O. E. (2021). The role of the resource of historical memory in the formation of civic identity and ensuring the cultural security of youth in the South of Russia. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI)*. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki, 5, 6-20. (In Russian).

Volkov, Yu. G., Degtyarev, A. K., Vodenko, K. V. (2017). Value policy in the context of

вершенствования межнациональных отношений на региональном уровне // Гуманитарий Юга России. 2017. № 4. С. 14–24.

Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.

Тощенко Ж. Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.

Штофер Л. Л., Шевченко О. М. Типология политических мифов: социокультурные детерминанты генезиса и распада // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. № 4. С. 206–213.

Vodenko K. V., Chernykh S. S., Ustimenko D. L., Ustimenko A. L. Politics of Memory as a Tool of Civic Culture Formation: The Russian Specifics and Regional Aspects // Journal of History Culture and Art Research. 2020. Vol. 9 (2). P. 175–183.

improving interethnic relations at the regional level. *Gumanitariy Yuga Rossii*, 4, 14–24. (In Russian).

Toshchenko, Zh. T. (2000). Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 4, 3–14. (In Russian).

Toshchenko, Zh. T. (2003). Ethnocracy: history and modernity (sociological essays). Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian).

Halbwachs, M. (2007). Social framework of memory. Moscow: Novoye izd-vo Publ. (In Russian).

Shtofer, L. L., Shevchenko, O. M. (2021). Typology of political myths: socio-cultural determinants of genesis and decay. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI)*. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki, 4, 206–213. (In Russian).

Vodenko, K. V., Chernykh, S. S., Ustimenko, D. L., Ustimenko, A. L. (2020). Politics of Memory as a Tool of Civic Culture Formation: The Russian Specifics and Regional Aspects. *Journal of History Culture and Art Research*, 9 (2), 175–183.

Для цитирования: *Воденко К. В.* Историческая память в контексте этнополитических отношений Юга России // Гуманитарий Юга России. 2021.6 (52). С. 122–130.
DOI 10.18522/2227-8656.2021.6.9

История статьи:
Поступила в редакцию – 25.09.2021 г.
Получена в доработанном виде – 29.10.2021 г.
Одобрена – 12.11.2021 г.

Сведения об авторе

Воденко Константин Викторович

Доктор философских наук, профессор,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова

346428, г. Новочеркасск,
ул. Просвещения, 132,
e-mail: vodenkok@mail.ru

Information about author

Konstantin Viktorovich Vodenko

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Platov South-Russian
State Polytechnic University (NPI)

132 Prosveshcheniya St.,
Novocherkassk, 346428,
e-mail: vodenkok@mail.ru